

**Дополнительные «антиковидные» ограничительные
меры в отношении персонала медицинских
учреждений конституционны: решение
Федерального Конституционного Суда ФРГ от 27
апреля 2022 (1 BvR 2649/21)**

*(По материалам пресс-релиза КС ФРГ)**

Оригинал см. на официальном сайте Федерального Конституционного суда ФРГ - Erfolglose Verfassungsbeschwerde gegen die Pflicht zum Nachweis einer Impfung gegen COVID-19 (sogenannte „einrichtungs- und unternehmensbezogene Nachweispflicht“), <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2022/bvg22-042.html> (Рубрикация и выделения в тексте - **Дайджеста**).

Содержание:

1. Задействование механизма "обязательной сертификации" и его оценка конституционным судом	71
2. Фактические обстоятельства дела:	72
3. Содержание конституционной жалобы заявителей	73
4. Руководящие принципы по решению Первого Сената от 27 апреля 2022 года - 1 BvR 2649/21 -Подтверждение вакцинации (COVID-19)	77
5. Основные соображения Сената:	77
1. Обязанность предоставлять подтверждение вакцинации, установленное в § 20a ЗЗИЗ, представляет собой вмешательство в фундаментальное право на физическую неприкосновенность	78
2. Вмешательство в право на физическую неприкосновенность оправдано в соответствии с конституционным правом	79

3. Свобода осуществления профессиональной деятельности заявителей в соответствии со ст. 12(1) ОЗ не была нарушена. 83
6. Выдержки из обоснования судебного решения 84

1. Задействование механизма "обязательной сертификации" и его оценка конституционным судом

Федеральный Конституционный суд Германии (ФКС) своим решением от 27 апреля 2022 (1 BvR 2649/21) рассмотрел ряд конституционных жалоб с требованием признать неконституционными § 20a, § 22a and § 73(1a) пункты 7e- 7h Закона о защите от инфекционных заболеваний (ЗЗИЗ), которыми регулируется обязанность по предоставлению персоналом медицинских учреждений справок, подтверждающих их иммунный (прививочный или конвалесцентный) статус. (Прим. **Дайджеста**: Согласно оспоренным нормам с 16 марта 2022 года к работе в этих учреждениях должны будут допускать только тех сотрудников, кто вакцинирован, недавно переболел коронавирусом, прошёл тестирование с негативным результатом (так называемое «правило 3 П» – «привит, переболел или протестирован») или имеет медицинские противопоказания для прививки и может предоставить доказательство этого.)

По мнению Суда, оспариваемые положения не нарушают права заявителей, предусмотренные ст. 2(2) первое предложение и ст. 12 (1) Основного закона ФРГ (ОЗ). В той мере, в какой положения ограничивают эти основные права, вмешательство оправдано в соответствии с конституционным правом. Законодатель действовал в пределах своей свободы усмотрения, установив надлежащий баланс между защитой уязвимых групп населения от заражения SARS-CoV-2, с одной стороны, и ущемлением названных основных прав, с другой. Несмотря на высокую степень интенсивности вмешательства, интересы защиты фундаментальных прав заявителей, которые работают в сфере здравоохранения и ухода, в конечном итоге должны были отступить на задний план.

2. Фактические обстоятельства дела:

В соответствии с § 20а (1) и § 20а(2) ЗЗИЗ, сотрудники определенных учреждений и организаций здравоохранения и ухода за людьми с 15 марта 2022 года обязаны предоставлять руководству своего учреждения или организации подтверждение того, что они были полностью привиты против COVID-19 или выздоровели от этого заболевания. От этой обязанности освобождались только лица, имеющие сертификат о медицинских противопоказаниях к вакцинации. В случае, если указанное подтверждение или сертификат не были представлены, руководство соответствующего учреждения или организации должно было без неоправданной задержки сообщить об этом в местный орган здравоохранения (*Gesundheitsamt*). В соответствии с § 20а (5) ЗЗИЗ, орган здравоохранения мог издать распоряжение, запрещающее соответствующим лицам посещать соответствующие учреждения и организации или работать в них.

Лица, которые начинали работать в учреждениях или организациях, перечисленных в § 20а ЗЗИЗ с 16 марта 2022 года, должны были представить необходимые подтверждения и доказательства до начала выполнения своих служебных обязанностей. В противном случае они не могли быть приняты на работу в такие учреждения или организации и не могли выполнять там какие-либо функции. В случае несоблюдения правил, содержащихся в § 20а ЗЗИЗ, к нарушителям могли быть применены установленные в законе штрафные санкции (ср. § 73(1а) № 7e-7h ЗЗИЗ). Нормы § 20а ЗЗИЗ и положения, регулирующие санкции, должны были утратить силу с 1 января 2023 года.

В § 20а(1) и § 20а(2) ЗЗИЗ в редакции от 10 декабря 2021 года термины вакцинация, ревакцинация и подтверждение вакцинации или ревакцинации определялись ссылкой на § 2 № 2-5 Постановления COVID-19 об исключениях из защитных мер (*COVID-19-Schutzmaßnahmen-Ausnahmenverordnung*) в редакции, действующей на соответствующий момент. Постановление, в свою очередь, уточняло предусмотренные требования, ссылаясь на веб-сайты *Института Пауля Эрлиха* и *Института Роберта Коха*.

Уже после того, как конституционная жалоба была подана в ФКС, законодатель внес изменения в § 20а(1) и § 20а(2) ЗЗИЗ, вступившие в силу с 19 марта 2022 года. Требования, касающиеся подтверждения вакцинации или выздоровления, теперь излагались во вновь включенных в текст самого закона § 22а(1) и (2) ЗЗИЗ. В частности, это положение определяет вакцины, которые могут быть использованы, и устанавливает количество

прививок, необходимых для достижения статуса полностью вакцинированного лица, а также требуемую продолжительность т.н. конвалесцентного статуса (статуса выздоровевшего, предоставляемого лицам, которые ранее были инфицированы COVID-19 и вылечились).

Большинство заявителей, обратившихся в ФКС с жалобой, работают в сфере здравоохранения и ухода. Ряд заявителей оспаривают рассматриваемые положения в своем качестве представителей учреждений или организаций в сфере здравоохранения и ухода за людьми. Другие заявители жалуются на то, что они не могут продолжать лечение, проводимое врачами, стоматологами или другими поставщиками медицинских услуг, поскольку они не прошли вакцинацию. В своей конституционной жалобе заявители непосредственно оспаривают § 20а, § 22а и § 73(1а) №№ 7е-7h ЗЗИЗ, утверждая, что эти нормы нарушают различные основные права и свободы, а также права, приравненные к основным правам.

3. Содержание конституционной жалобы заявителей

1. Заявители утверждают о нарушении их прав согласно статье 1.1 предложение 1, статье 2.1 в сочетании со статьей 1.1 предложение 1 (право на информационное самоопределение), статье 2.2 предложение 1, статье 2.2 предложение 2 в сочетании со ст. 104, ст. 3 п. 1, ст. 4 п. 1, ст. 6 п. 2, ст. 10 п. 1, ст. 11 п. 1, ст. 12 п. 1, ст. 13 п. 1 и 7, ст. 19 п. 1 предложение 2, ст. 19 п. 4, ст. 33 п. 2 и 5, а также из ст. 2 п. 1 в сочетании со ст. 103 п. 2 Основного Закона.

Оспариваемые нормы являются неконституционными с материально-правовой точки зрения. Законодатель не основывал своё решение о введении обязанности по предоставлению доказательств согласно § 20а и § 22а ЗЗИЗ, на медицинских фактах.

2. Безопасность и эффективность имеющихся вакцин не являются достаточно доказанными. Также и решение вопроса о том, как долго после инфекции существует соответствующая иммунная защита, не было подкреплено достаточными научными и практическими данными. (Пункт 31 решения ФКС.)

Согласно актуальным данным, вакцинация COVID-19 является лишь исследованием, в котором лица, подпадающие под действие § 20а абз. 1 предложения 1 ЗЗИЗ, фактически обязаны участвовать. Такая обязанность вакцинации превращает субъекта с его правом на самоопределение и на самостоятельное принятие решения в объект государственного воздействия, что несовместимо с принципом неприкосновенности человеческого достоинства (ст. 1 абз. 1 предложение 1 ОЗ). Особенно это касается всё более распространяющегося варианта омикрон, против которого даже бустерная вакцинация не обеспечивает достаточного иммунитета. Скорее наоборот, есть много оснований полагать, что вакцинированные люди даже более восприимчивы к омикронному варианту. Вакцинация в этом отношении не снижает возможность передачи вируса, а скорее даже способствует ей. Так, можно считать доказанным, что омикронный вариант представляет проблему только для вакцинированных людей, что подтверждается пропорционально меньшим числом невакцинированных людей среди инфицированных. Высокий уровень охвата населения вакцинацией по этой причине не влияет на количество случаев заболевания COVID-19.

3. Незначительная польза от прививок, если она вообще есть, должна быть соотнесена со значительными рисками, связанными с вакцинацией. Они возникают не только в результате самой инъекции, но, прежде всего, в результате тяжелых и нередко смертельных последствий, вызванных вакциной. То, что законодатель ставит соответствующих лиц перед выбором: либо рисковать здоровьем, либо согласиться на далеко идущие негативные последствия для их профессиональной деятельности, чтобы защитить третьих лиц от заражения, в частности, разновидностью вируса омикрон, который к тому же менее опасен, чем разновидности, которые доминировали в развитии инфекционной ситуации до настоящего времени, не совместимо ни с гарантией жизни и физической неприкосновенности (статья 2.2 предложение 1 Основного закона), ни со свободой профессиональной деятельности (статья 12.1 Основного закона). (Пункт 32 решения ФКС.)

4. Помимо вреда, наносимого вакцинацией индивидам, законодатель также не учёл общие последствия обязательной вакцинации. Он упустил из виду тот факт, что невакцинированные лица в значительной степени снижают нагрузку на систему здравоохранения. Для них не нужны многомиллиардные кампании по вакцинации, затраты на производство

вакцин и центры вакцинации. Сэкономленные тем самым деньги можно было бы использовать для финансирования большего количества персонала интенсивной терапии и, следовательно, более разумно. В конкретной конструкции § 20а ЗЗИЗ законодатель действовал слишком недифференцированным образом и пренебрег конституционными предписаниями. Неясно, в какой степени все те сотрудники, которых касается § 20а (1) предложение 1 ЗЗИЗ, как например кухонный и уборочный персонал в соответствующих учреждениях, могут иметь контакт с уязвимыми лицами. Относительно более мягкие средства законодатель не применил. Например, возможным было в принципе установить, что персонал этих учреждений будет несколько раз в неделю проходить ПЦР-тесту. В конечном итоге, законодатель излишне акцентировал интересы уязвимых лиц и неправомерно отдал им приоритет по отношению к интересам тех, кого затрагивает установленная обязанность предоставлять необходимые по закону свидетельства. (Пункт 33 решения ФКС.)

5. Оспариваемые положения также не совместимы со статьей 2(1) в сочетании со статьей 1(1) предложение 1 Основного закона (право на информационное самоопределение) и требованием правовой определенности согласно статье 103(2) Основного Закона. § 20а ЗЗИЗ говорит о "персональных данных". Однако остается неясным, что под этим подразумевается, поскольку законодатель не ограничил более конкретно этот термин, который сам по себе имеет широкое содержание. § 2 № 16 ЗЗИЗ не способствует этому, поскольку данное положение формально неконституционно и, более того, определяет только термин "персональная информация", а не "персональные данные". Таким образом, перед руководством учреждения была поставлена объективно неприемлемая задача, поскольку § 20а ЗЗИЗ обязывал их передавать «данные» в компетентные органы здравоохранения. Это тем более серьезно, что эта объёмная и в деталях неясная обязанность санкционируется возможным наложением штрафа. (Пункт 34 решения ФКС.)

6. § 20а ЗЗИЗ также необоснованно вторгается в права заявителей согласно статье 2.2 предложение 2 в сочетании со статьей 104 Основного Закона и статьей 11.1 Основного Закона. Законодатель регламентировал определённые ограничения и запреты на доступ в соответствующие учреждения, которые сопровождаются ограничением свободы передвижения и свободы перемещения. Свобода совести и вероисповедания (статья 4 (1) Основного закона) также была нарушена

(Статья 4 (1) Основного Закона ФРГ гласит: «Свобода вероисповедания, свобода совести и свобода религиозных и мировоззренческих убеждений неприкосновенны.» - **прим. Дайджеста**). Политическим и конфессионально-мировоззренческим стремлением заявителей было не подвергаться прививкой вакцинами, производство или разработка которых была основана на использовании абортированных человеческих эмбрионов. (Пункт 35 решения ФКС.)

7. Однако законодатель также не смог ответить на все наиболее существенные вопросы, связанные с гарантиями основных прав, которые возникли в результате введения в медицинских учреждениях описываемых обязанностей. Неконституционное делегирование законодательных полномочий было особенно заметно в первоначально принятой версии § 20а ЗЗИЗ, но также присутствует и в новой версии законодательного регулирования, вступившую в силу 19 марта 2022 года. Действительно, определение документов, подтверждающих вакцинацию и выздоровление больше не зависит от спецификаций, опубликованных на сайтах Института Пауля Эрлиха и Института Роберта Коха, на которые делалась двойная динамическая отсылка в прежней редакции. Тем не менее, разрешение на издание конкретизирующих распоряжений и постановлений в § 22а абз. 4 ЗЗИЗ также оставляет исполнительной власти слишком далеко идущие полномочия по регулированию вопросов, существенных для основных прав. Вопреки статье 80 (1) предложение 2 Основного Закона, федеральное правительство лишь предельно неопределёнными и весьма гибкими критериями ограничено в том, чтобы посредством подзаконных нормативных актов отступать от предписаний § 22а (1) и (2) ЗЗИЗ. (Пункт 36 решения ФКС.)

8. Оспариваемые положения также и в других отношениях слишком расплывчаты. При этом совместимость со строгим требованием правовой определенности согласно статье 103 (2) Основного Закона имеет особое значение, поскольку нарушение обязательств, вытекающих из § 20а ЗЗИЗ, карается штрафами в соответствии с § 73 (1а) № 7е и 7h ЗЗИЗ (статья 103 (2) Основного Закона ФПГ гласит: «Деяние может быть наказуемо только в том случае, если наказуемость была определена законом до совершения деяния» - **прим. Дайджеста**). (Пункт 37 решения ФКС.)

4. Руководящие принципы по решению Первого Сената от 27 апреля 2022 года - 1 BvR 2649/21 -Подтверждение вакцинации (COVID-19)

1. Государственные меры, имеющие косвенное или фактическое воздействие, могут быть - с точки зрения их цели и последствий - функционально эквивалентны прямому вмешательству в основные права, и в этом случае такие меры должны рассматриваться подобно прямому вмешательству в них. В качестве права на защиту от вмешательства государства статья 2(2) предложение 1 Основного Закона в принципе также защищает человека от государственных мер, которые лишь косвенно ведут к нарушению физической неприкосновенности и связанного с ним право на самоопределение в случаях, когда закон влечет неблагоприятные последствия для осуществления свободы, защищенной основными правами, с целью воспрепятствовать этому осуществлению основных прав.

2. С точки зрения своей цели и последствий, обязанность предоставлять подтверждение вакцинации от COVID-19, установленное в § 20a Закона о защите от инфекционных заболеваний, функционально эквивалентно прямому вмешательству в ст. 2(2) первое предложение Основного Закона. С принятием решения против вакцинации, затрагивающей физическую неприкосновенность, закон связывает наступление неблагоприятных последствий; столкновение с этими неблагоприятными последствиями также призвано стимулировать принятие решения в пользу вакцинации. Поскольку этот эффект соответствует законодательной цели, нарушение физической неприкосновенности не может рассматриваться как просто непреднамеренный побочный эффект закона.

5. Основные соображения Сената:

А. Конституционная жалоба является частично неприемлемой. Ряд заявителей не смогли в достаточной степени продемонстрировать, что оспариваемые положения могли нарушить принадлежащие им фундаментальные права. В той мере, в какой заявители оспаривают конституционность § 20a (1) и § 20a (2) ЗЗИЗ в редакции от 10 декабря 2021 года, у заявителей не имеется признанного правового интереса в возбуждении дела (*Rechtsschutzinteresse*). Это связано с тем, что данные

положения после внесения изменений в законодательство больше не имеют юридических последствий по отношению к заявителям.

В. В той мере, в какой конституционная жалоба была подана в приемлемом порядке, она является несостоятельной по существу.

Обязанность предоставлять подтверждение вакцинации или ревакцинации, установленное в § 20а ЗЗИЗ, представляет собой вмешательство в фундаментальное право на физическую неприкосновенность, которое защищено ст. 2(2) первое предложение ОЗ (Статья ст. 2(2) первое предложение Основного Закона ФРГ гласит: «Каждый имеет право на жизнь и физическую неприкосновенность.» – **прим. Дайджеста**). Однако это вмешательство является оправданным с точки зрения конституционного права.

1. Обязанность предоставлять подтверждение вакцинации, установленное в § 20а ЗЗИЗ, представляет собой вмешательство в фундаментальное право на физическую неприкосновенность

Обязанность предоставлять доказательства вакцинации, налагаемая на сотрудников некоторых учреждений и организаций ограничивает гарантии по ст. 2(2) ОЗ. Как гарантия правовой защиты против вмешательства государства, ст. 2(2) ОЗ в принципе защищает человека от мер государства, которые приводят к нарушению физической неприкосновенности и связанного с ней права на самоопределение, и в том случае, если эти нарушения являются лишь косвенным следствием принимаемых государственной властью мер. В частности, это может иметь место, если закон приводит к негативному воздействию на возможность реализации гарантированного основного права с целью воспрепятствовать осуществлению этого права.

В этом смысле рассматриваемое регулирование является целенаправленным косвенным вмешательством в право на физическую неприкосновенность. Действительно, перед вакцинацией против COVID-19 вакцинируемое лицо после медицинской консультации должно дать своё согласие. Однако, в соответствии с оспариваемым регулированием, если человек решает отказаться от вакцинации, это влечет за собой негативные последствия. Таким образом, решение о вакцинации, которое как таковое должно приниматься на основе самоопределения, регулируется внешними ограничениями как с фактической, так и с юридической точки зрения.

Лица, не желающие проходить вакцинацию, но желающие продолжать свою работу, должны ожидать, что у них потребуют подтверждение вакцинации, и в случае непредставления требуемых доказательств им будет запрещено посещать учреждения и организации, указанные в § 20а ЗЗИЗ, или работать в них, что санкционируется денежным штрафом. Единственной альтернативой для таких лиц является отказ от своей профессии, смена места работы или, по крайней мере, смена конкретной работы, которую они там выполняют.

2. Вмешательство в право на физическую неприкосновенность оправдано в соответствии с конституционным правом

а) Стремясь защитить уязвимые группы населения от заражения вирусом SARS-CoV-2, законодатель преследует легитимную цель.

Хотя для большинства людей болезнь при заражении COVID-19 и не протекает в тяжелой форме, для некоторых людей, в силу их общего состояния здоровья и/или возраста, существует повышенный риск тяжелого или даже смертельного течения болезни. Кроме того, именно пожилые люди и люди с ослабленным иммунитетом особенно подвержены повышенному риску заражения вирусом, поскольку они хуже реагируют на вакцинацию. Исходя из этого, законодатель предположил, что существует значительная опасность для важных правовых интересов, что требует принятия законодательных мер. Это предположение основано на достаточно надежных выводах. На момент принятия закона законодатель мог исходить из того, что ситуация с пандемией будет ухудшаться, что влечет за собой особый риск для пожилых людей и людей с уже существующими заболеваниями. Предположение о том, что эти уязвимые группы подвергаются особому риску, по-прежнему актуально.

в) Установление обязанности предоставить подтверждение вакцинации против COVID-19 является приемлемым (соразмерным) с точки зрения конституции. Законодатель мог исходить из того, что обязанность предоставить доказательство вакцинации или оздоровления, возложенная на персонал определенных учреждений и организаций, может способствовать защите жизни и здоровья уязвимых групп населения. На момент принятия закона значительное большинство ученых предполагало, что вакцинированные и выздоровевшие люди имеют меньшую вероятность заразиться SARS-CoV-2 и, следовательно, меньше шансов передать вирус.

Также считалось, что вакцинированный человек менее заразен и передает вирус в течение более короткого периода времени, чем невакцинированный. По мнению научных организаций, представивших в качестве третьих сторон свои экспертные заключения в рамках данного разбирательства, дальнейшее развитие пандемии и распространение варианта Омикрон не сделало прогноз законодателя менее обоснованным. Заслушанные научные организации в основном согласны с тем, что вакцинация и в этом случае остается достаточно эффективной, хотя её эффект снижен по сравнению с предыдущими вариантами.

с) Более того, обязанность предоставлять подтверждение вакцинации необходима для защиты уязвимых групп населения. Законодатель имел в этом отношении широкое поле для оценки, учитывая, что пандемия характеризуется опасным и непредсказуемым характером, создавая тем самым весьма сложную ситуацию. Исходя из информации о передаваемости вируса и возможностях сдерживания его распространения, которая была доступна на момент принятия закона, с точки зрения конституционного права не вызывает возражений то обстоятельство, что законодатель предположил, что не существует других средств, которые были бы, безусловно, столь же эффективны, но в меньшей степени ущемляли бы основные права.

d) Если исходить из информации, доступной на момент принятия закона, а именно этот момент является решающим для рассмотрения конституционности, обязанность предоставлять доказательства вакцинации является пропорциональной в строгом смысле слова (соразмерной). В этом отношении законодатель должен был принять во внимание, что прививки, необходимые для выполнения предусмотренных законом обязанностей, представляют собой значительное вмешательство в физическую неприкосновенность. При этом необходимо, помимо прочего, также учитывать, что § 20а ЗЗИЗ не устанавливает обязательной вакцинации, которая может быть принудительно осуществлена государством; точнее, это положение в конечном итоге оставляет за лицами, работающими в соответствующих учреждениях и организациях, право самим решать, предоставлять ли им требуемые подтверждения. Однако де-факто это регулирование ставит этих лиц перед выбором: либо отказаться от прежней деятельности, либо согласиться на нарушение своей физической неприкосновенности. В этом смысле здесь затрагивается в

принципе также и свобода лиц, работающих в сфере здравоохранения и ухода, осуществлять свою профессиональную деятельность.

Однако вмешательство в физическую неприкосновенность соответствующих лиц должно быть соотнесено с другими исключительно важными конституционными интересами. Законодательная власть обязана защищать жизнь и физическую неприкосновенность во исполнение своего обязательства по защите, которое также вытекает из статьи 2 (2) первого предложения Основного Закона. Это обязательство по защите уязвимых лиц со стороны законодательной власти усилилось в начале декабря 2021 г. В это время пандемическая ситуация, после кратковременного ослабления во время четвертой волны инфекции, вновь характеризовалась особой динамикой распространения инфекции, которая сопровождалась все более высокой вероятностью заражения вирусом. Это было связано с высоким риском для уязвимых групп населения. Обязанности государства по защите уязвимых групп населения имели в тот период особенно важное значение, поскольку, помимо повышенного риска тяжело заболеть или даже умереть от COVID-19, уязвимые группы населения не имеют возможности или имеют лишь ограниченную возможность снизить риск заражения вирусом путем вакцинации.

Решение законодателя отдать предпочтение интересам защиты уязвимых групп перед возможностью индивидуума принять свободное во всех отношениях решение о вакцинации основано на его оценке баланса интересов, которая не вызывает возражений с точки зрения конституционного права. Несмотря на высокую степень интенсивности вмешательства, вытекающего из § 20а ЗЗИЗ, интересы тех, кто работает в секторе здравоохранения и ухода, которые защищены фундаментальными правами, в конечном итоге должны были отойти на второй план.

При установлении баланса между противоречивыми позициями по фундаментальным правам здесь, прежде всего, необходимо учитывать, что законодатель был явно ориентирован на то, чтобы не углублять недифференцированным образом интенсивность вмешательства для тех, кого затрагивает обязанность предоставлять доказательства, сосредоточившись только на защите уязвимых групп. На основании конституционно неоспоримого баланса интересов орган отдал предпочтение защите уязвимых людей перед свободным решением о вакцинации. Несмотря на высокую интенсивность посягательств, вызванных § 20а ЗЗИЗ, конституционно защищенные интересы тех, кто работает в сфере здравоохранения и ухода, в конечном итоге должны отойти на второй план. В контексте взвешивания противоречивых позиций по фундаментальным правам здесь, прежде всего, необходимо принять во

внимание, что законодатель был явно ориентирован на то, чтобы не углублять интенсивность вмешательства для тех, кого затрагивает обязанность предоставлять доказательства недифференцированным образом и с исключительным акцентом на защиту уязвимых лиц.

Законодатель также не принимал решение о вакцинации за тех, кого это коснулось. Поскольку интенсивность вмешательства, вытекающего из обязанности предоставить подтверждение вакцинации, определяется, прежде всего, типом, степенью и вероятностью рисков вакцинации, § 20a ЗЗИЗ был основан на обоснованном законодательном решении о безопасности вакцинации, которое было подкреплено достоверными фактами. На соответствующих адресатов нормы не налагаются неприемлемые (*unzumutbar*) с точки зрения конституционного права риски для здоровья, которые не могут быть оправданы даже в случае наличия особо серьезных угроз и острой ситуации риска для уязвимых лиц. Серьезные побочные эффекты или серьезные последствия, выходящие за рамки иммунного ответа, вызванного введением вакцины, встречаются очень редко. Более того, они постоянно отслеживаются и оцениваются, в частности, Институтом Пауля Эрлиха, а Постоянная комиссия по вакцинации (*Ständige Impfkommission*) соответствующим образом адаптирует и корректирует свои рекомендации по вакцинации.

В оценке и поиске баланса интересов необходимо, однако, также принимать во внимание особо острую потребность в защите тех групп населения, которые законодатель намерен защитить. Уязвимые люди часто не могут ни эффективно защитить себя с помощью вакцинации, ни избежать контакта с персоналом, работающим в сфере здравоохранения и ухода, поскольку они обычно полагаются и зависят от их услуг. В конечном итоге, очень низкая вероятность серьезных последствий в результате вакцинации контрастирует со значительно более высокой вероятностью причинения вреда жизни и здоровью этих лиц.

Развитие ситуации с пандемией, произошедшее с момента принятия закона не оправдывает иной оценки. Не появилось никаких новых разработок или более совершенных выводов в понимании ситуации, которые могли бы основательно поколебать первоначальные предположения, сделанные законодателем. По-прежнему можно предположить, что вакцинация обеспечивает соответствующую защиту от инфекции, включая доминирующий в настоящее время вариант *Omicron*, хотя эта защита с течением времени и ослабевает. Риски, связанные с пандемией, также не ослабли настолько, чтобы значительно снизить потребность в защите уязвимых групп населения, и, следовательно, потребовать такого баланса интересов, который придавал бы меньшее

значение их конституционным интересам. Экспертные сообщества, с которыми проводились консультации в рамках настоящего разбирательства, в основном пришли к единому мнению, что, независимо от более легкого течения заболевания в среднем при доминировании омикронного варианта, состав групп риска и их принципиально более высокий риск не изменились.

3. Свобода осуществления профессиональной деятельности заявителей в соответствии со ст. 12(1) ОЗ не была нарушена.

1. В той мере, в какой обязанность предоставлять подтверждение вакцинации для персонала в сфере здравоохранения и ухода за больными регулируется как необходимое условие для осуществления профессиональной деятельности, ст. 12(1) ОЗ не предоставляет более широкой защиты, чем фундаментальное право, предусмотренное ст. 2(2) первое предложение Основного Закона, которое защищает правовые интересы право исключительно личного характера (Статья 12(1) Основного Закона ФРГ гласит: «Все немцы имеют право свободно избирать профессию, место работы и учебы. Осуществление профессиональной деятельности может регулироваться законом.» - **прим. Дайджеста**).

2. § 20a(5) ЗЗИЗ, который разрешает издавать запрет на вход в соответствующие учреждения и организации или на работу в них, приводит к выходящему за рамки этого специфическому вмешательству в свободу профессиональной деятельности. Однако такое вмешательство оправдано для защиты уязвимых групп. Если сопоставить цель § 20a(5) ЗЗИЗ с серьезностью вмешательства, то данное положение следует признать приемлемым (соразмерным).

Негативные последствия, вытекающие из данного положения, различаются в зависимости от вида осуществляемой деятельности. Наложение запрета на вход в соответствующие учреждения и организации или на работу в них особенно обременителен для тех лиц, для которых даже в случае смены работы все равно будет распространяться требование о вакцинации или оздоровлении и которые, следовательно, смогут избежать этого требования, только путем осуществления не связанной с их профессией деятельности, для которой у них нет подготовки. Это касается медперсонала, врачей, психотерапевтов, медицинских ассистентов и т.д. В отличие от этого, иная ситуация складывается, например, с административным, уборочным и кухонным персоналом. Для этих работников на их текущем рабочем месте также действует требование

вакцинации или выздоровления. Однако эти лица могут продолжать заниматься выбранной ими профессиональной деятельностью при смене работы, если только они больше не работают в учреждении или организации, подпадающей под действие § 20а ЗЗИЗ.

Цель закона - защитить уязвимые группы населения от серьезного или даже смертельного заболевания COVID-19; это особенно важный интерес, который защищается Конституцией - является особенно весомой задачей конституционного ранга. В этом отношении различное бремя, налагаемое на ряд профессиональных групп, также отражает значимость вакцинации или оздоровления этих лиц для достижения поставленной цели. В силу характера своей профессиональной деятельности сотрудники сферы здравоохранения и ухода, которые особенно затронуты установленным требованием, регулярно находятся в интенсивном и тесном контакте с уязвимыми лицами, что делает повышенный риск передачи инфекции, создаваемый сотрудниками, не прошедшими вакцинацию и не выздоровевшими, более актуальным и приводит к значительному увеличению потребности в защите уязвимых лиц. В отличие от этого, соответствующий административный, уборочный и кухонный персонал обычно не имеет регулярных прямых контактов с уязвимыми лицами или имеет их лишь на короткое время, и, таким образом, как правило, имеет лишь косвенный контакт с лицами, подлежащими защите, опосредованный совместным использованием помещений или через медицинский и другой обслуживающий персонал.

Кроме того, необходимо также учитывать, что сотрудники секторов здравоохранения и ухода, которых особенно затрагивает закон, несут особую ответственность перед людьми, которых они лечат и о которых заботятся.

6. Выдержки из обоснования судебного решения

В той мере, в которой заявители сами, в настоящее время и непосредственно затронуты оспариваемыми положениями, представленные ими обоснования возможного нарушения оспариваемыми положениями их основных прав или прав, эквивалентных основным правам, лишь частично соответствуют требованиям § 23.1 и § 92 Федерального Закона о Федеральном Конституционном суде. (Пункт 88 решения ФКС.)

Ряд заявителей, в той степени, в какой именно на них лежит бремя доказывания, указали на возможность нарушения статьей 20а и статьей 20а ЗИЗЗ их основных прав на физическую неприкосновенность (статья 2.2 Основного закона) и свободу выбора профессии (статья 12.1 Основного закона). Кроме того, ряд заявителей, выступающих в качестве руководящих органов соответствующих учреждений, также жалуются на нарушение предписаниями о штрафных санкциях в статье 73 ЗИЗЗ статьи 2(1) ОЗ в сочетании со статьей 103(2) ОЗ. (Пункт 89 решения ФКС.)

В той мере, в какой заявители, на которых лежит бремя доказывания, оспаривают нарушение спорными положениями других основных прав или прав, аналогичных основным правам, их объяснения, не отвечают установленным законом требованиям обоснованности. (Пункт 90 решения ФКС.)

Так, не было доказано возможное нарушение принципа человеческого достоинства, защищенного статьей 1.1 предложение 1 Основного Закона. Заявители не смогли убедительным образом обосновать, почему обязанность предоставить требуемые законом доказательства превращает их в просто объект мер по защите уязвимых лиц, и это на фоне того, что закон не устанавливает обязательной вакцинации, которая обеспечивается возможностью принятия мер принуждения, а цель состоит в том, чтобы избежать риска передачи инфекций уязвимым лицам, который исходит именно от них. (Пункт 91 решения ФКС.)

Также недостаточно обоснованным является и нарушение права на информационное самоопределение (статья 2(1) в сочетании со статьей 1(1) Основного закона) в связи с установленным законом требованием передачи личных данных заявителей в орган здравоохранения, как это установлено статьей 20а(2) предложение 2, (4) предложение 2 ЗЗИЗ. (Статья 2(1) ОЗ предусматривает: «Каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон.» Статья 1(1) ОЗ гласит: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти.» - **прим. Дайджеста.**) Ими не учитываются, в частности, урегулированные в обычном законодательстве механизмы правовой защиты, как они предусмотрены, например, в федеральном Законе о защите данных. (Пункт 92 решения ФКС.)

То же самое относится к обоснованию заявителями возможности нарушения права на жизнь, гарантированного статьей 2 (.2) предложение 1 Основного Закона. (Статья 2(2) предложение 1 ОЗ гласит: «Каждый имеет право на жизнь и физическую неприкосновенность.» - **прим. Дайджеста.**) Они не приводят никаких доводов, которые могли бы доказать наличие конституционно значимого посягательства на это фундаментальное право. Заявители, в частности, не учитывают устоявшиеся конституционные стандарты относительно косвенных вмешательств в основные права и свободы в целом и относительно основного права на жизнь, в частности. (Пункт 93 решения ФКС.)

В равной степени нет оснований выявить возможное нарушение свободы вероисповедания и свободы совести согласно ст. 4.1 ОЗ (статья 4.1 Основного Закона ФРГ гласит: «Свобода вероисповедания, свобода совести и свобода религиозных и мировоззренческих убеждений неприкосновенны.» - **прим. Дайджеста.**). Заявители утверждают, что они отвергают вакцины, которые были произведены или разработаны с использованием клеточных линий, полученных из абортированных человеческих плодов. Однако при этом свои собственные религиозные, мировоззренческие или связанные с совестью убеждения они не излагают в понятной и подкрепленной фактами форме таким образом, чтобы можно было с конституционно-правовой точки зрения рассмотреть, открывается ли и в какой степени сфера защиты, предоставляемой гарантиями статьи 4.1 Основного Закона. (Пункт 94 решения ФКС.)

Также и наличие возможного, как утверждается в жалобе, нарушения основных прав согласно ст. 2.2 Основного закона в сочетании со статьей 104.1, статьей 3.1, статьей 6.2, статьей 10.1, статьей 11.1, статьями 13.1 и 13.7 и статьей 19.4 Основного закона, вряд ли можно считать доказанным. Заявители отчасти исходят из неверного понимания конституционно-правовых масштабов, в соответствии с которыми определяется содержание гарантий этих основных прав. Более того, нет никаких достаточно убедительных аргументов относительно того, каким образом эти фундаментальные права могут быть нарушены в отношении соответствующих заявителей. (Пункт 97 решения ФКС.)